

Олеся
ВОЛОШИНА

гибнет хор
четыре пьесы о россии

18+

Ася Волошина

**Гибнет хор. Четыре
пьесы о России**

«СЕАНС»

2018

Волошина А.

Гибнет хор. Четыре пьесы о России / А. Волошина — «СЕАНС»,
2018

ISBN 978-5-9500453-0-1

Ася Волошина — петербургский драматург. По ее текстам осуществлено около тридцати постановок в пятнадцати городах России, а также за рубежом: в Польше, Франции и Эстонии. Произведения Волошиной переведены на английский, французский, испанский, польский и немецкий языки. В дебютный сборник вошли четыре текста, которые сам автор определяет как «пьесы о России».

ISBN 978-5-9500453-0-1

© Волошина А., 2018

© СЕАНС, 2018

Содержание

Гибнет хор	6
Действующие лица (трое):	7
I. Представление	8
II. Утро	10
III. Ночь	13
IV. На поезд падают бомбы	14
V. Время потерялось – непонятно, сколько это длится	16
Антигона: редукция	18
Действующие лица:	18
Акт I	19
Сцена 1	19
Сцена 2	24
Сцена 3	30
Сцена 4	34
Сцена 5	39
Акт II	49
Сцена 1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ася Волошина
Гибнет хор. Четыре пьесы о России

В оформлении обложки использована фотография Виталия Дьяченко

СЕАНС

© Волошина А. Ю.

© «Сеанс», 2018 (состав, макет)

Гибнет хор

Речь Хора основана на записях голосов солдат Первой мировой войны из книги «Народ на войне» Софьи Федорченко

Действующие лица (трое):

Михаил.

Софья.

Хор.

1915-й год. Поезд. Где-то между Российской империей и Австро-Венгрией.

ХОР. Разбило все лицо, глаз вытек, память пропала. Перевязали, уж тогда в себя пришел. Да сразу за повязку – хватать! Как закричу: «Глаза мои, где глаза мои!..» Не пойму, кто винен, а до того ненавижу и до того темно да больно, – смерти прошу...

І. Представление

Михаил нарочито игнорирует Хор, делает вид, что говорит с залом, но на самом деле ведет диалог именно с Хором и только Хором жив.

МИХАИЛ. Ну, чтобы полегчало. (*Пьет.*)

ХОР. Страху нет – отчаянности много. Просто до греха.

МИХАИЛ. Ту-дух-ту-дух-ту-дух-ту-дух. С комфортом едем. Ритмичненько так.

ХОР (*с готовностью; делится*). Ощиплю курицу, кишки прочь и в горшок. Туда все, что есть, положу: и перец, и лист лавровый, и картошки, и макарон...

МИХАИЛ (*перебивает*). Студент тут один был.

ХОР...и крупы...

МИХАИЛ. Раньше студент, а теперь офицер. Тоже ехал. Домой. И тоже, как вы, спрашивал: с кем это я, дескать, все время разговариваю? Оригинал! Да с кем тут поговоришь? С этим, что ли? «Я тогой, он сегой, этот как его». Темень!

ХОР. Птицы – вот по ком я здесь скучаю. Я ведь птицелов, охотник. А здесь нету птицы. От выстрела птаха охоту к местам этим теряет. Для меня птичья тишина словно гром...

МИХАИЛ. С этим не поговоришь. Этот голос слушать-то, признаться, довольно гнусно. Ну, за то, чтоб не слышать. (*Пьет.*) А студент был хороший. Со студентом я б, пожалуй, еще бы и поговорил. Философ. С философского. Без ног. Ясное дело: ампутировали. А я ему: «Философу без ног можно. Так даже пикантнее». Хорошо ехали. Барышня у него еще, говорит, в Москве была... такая эфир-зефир-кефир... вицмундир. Тьфу. Руки ее коснуться боялся. Ну, за барышню. Она там, вероятно, до сих пор на пальцах вышивает, нежные пальчики иголками колет. Ну, и пусть колет! От этого мелкая моторика улучшается. За барышню.

ХОР. Любил я ее, Феклу, – просто сердце себе испиявил. А она-то все смеялась. Смеялась-смеялась, а как мне на войну уходить скоро, так сама на двор явилась, и говорит: пошли на бережок вечерять. Я так и обмер весь. Не верю счастью, думаю: вот мне война и пригодилась! Так что было у меня цельных две ночи. Есть что всю войну вспоминать.

МИХАИЛ. А я ему потом: «Ну, раз пошел такой разговор, признайтесь – снится теперь, как вы кружева на ней рвете? А! Молчите, молчите, значит, снится».

ХОР. Ползу, слышу разговор ихний. Смотреть – ничего не видать. Только совсем близко огонь всполохнул. Здоровый немец кофий варит... А дух, господи... Я ползу, а он сидит, ждет кофию, на огонь засмотрелся... Смотри, смотри... Сзаду навалился душить скоренько. Молча сдох, с испугу, видно... Я за кофий, пью, жгусь, тороплюсь... Да еще каску его потом с собой унес...

МИХАИЛ. Да. Молчит. Вспыхивает только. Хороший был студент. Умер.

ХОР. Ну, за студентов, чой ли?

МИХАИЛ. Но не из-за меня!

МИХАИЛ. Давайте. (*Зрителям, конечно.*) За упокой. За философию. В настоящей, говорит, трагедии гибнет не герой. Гибнет хор. Пусть земля ему будет пухом.

(*Пьет; ужас перерождается в крик.*)

МИХАИЛ. Я не мясник! Я не мясник я не мясник!

ХОР. Из каждой овцы – вышли мудрецы... На каждой на дубине – ягода-малина...

МИХАИЛ. Не мясник я – слышите? Я офтальмолог вообще-то. Даже лекции читал, подавал надежды. Разрабатывал технологию борьбы с катарактой. Смешно сказать, смешно звучит – здесь. Катаракта – вот уж враг! Офтальмолог – это же как ювелир, понимаете. А не мясник. У-у-у-у, если бы вы знали, как я ненавижу ампутировать! Особенно если солдату.

ХОР. Слышу, один господин-офицер другому говорит...

МИХАИЛ. А есть разница? Вы спрашиваете, есть ли разница?? А есть! Потому что офицер не кричит тебе под руку: «Дохтур, дохтур, отец родной, сделай что хочешь, только ногу спаси, буду за тебя всю жизнь Богу молиться»... Или там руку. Что мне от его молитвы его Богу, если Бог этот всю эту кровавую баньку-то и затопил...

ХОР. Так вот: слышу, один господин-офицер другому говорит: тот, говорит, не человек, который Пушкина да еще там каких-то не читывал... Ты подумай, чего такое загнул, а?.. Да их же, почитай, никто и не читывал!

МИХАИЛ. А главное – что? Что я ему пилю эту ногу или руку, слушаю крики его, которые у меня же в черепе изнутри оседают, как на чайнике накипь... Пилю и думаю: взять бы револьвер сейчас и шмальнуть ему в голову, и все. Жестоко? Жестоко, полагаете? А по мне так в высшей степени гуманно. А потому – что он без этой ноги, или руки, или двух? Мясо. Лишний рот, лишний желудок, лишний пищеварительный тракт. (Он и с руками и с ногами-то, скажем прямо, не венец творения.) Приковыляет к себе в деревню и... вот радость семье – принимайте. Кто с ним там возиться будет? Сам же через полгода и удавится. А крики его у меня все равно уже в голове. Справедливо?

ХОР (*чуть обиженно*). Ноет тело, ровно мозоль старая.

МИХАИЛ. Я почти не сплю.

ХОР. Солнце светит, в бубен бьют...

МИХАИЛ. Но здесь, в поезде, я не оперирую. Здесь ни-ни, здесь у меня «санаторий». А до этого в госпитале... Они тогда как раз подводами шли, подводами. И двое суток, как на конвейере: следующий, следующий... И вот один у меня под скальпелем и... издох... такой... рыжий. Ну, все. И списали. Сюда, в «санаторий». Раненых возить. У меня ж здесь полна коробочка раненых. Иногда побомбят немного, но это считай что процедуры... Зато кромсать никого не надо. Здесь кромсать и условий-то нет. Но больше никогда не стану – слышите? – потому что я не мясник, я ювелир... ювелир.

(*Он пошатывается, пьяный, и полубморочно засыпает.*)

ХОР (*спокойно, обиженно, гордо, с серьезным вызовом*). Собачонка по-за кустом скулит. Я чмокать, слышу, к ногам жметя и скулит. Я ее поймать норовлю, не дается, стерва. Слышу, что махонькая. Я ее ловлю, добра ей хочу – скулит и не дается. Я так, я эдак, – вертится, стерва... Я притаился, да как хвачу ее прикладом, да еще, да еще. И пошел дальше.

МИХАИЛ. Ну, за санатории. А вам доехать хорошо.

II. Утро

Утро. В вагоне закутанная в монашеское до одутловатости фигуры девушка – неловкая и неуместная. Михаил просыпается.

МИХАИЛ. Солнце, блять. *(Про свет.)* Который час?

ХОР. Солнце светит, в бубен бьют, на скрипке играют, а народ бесовски скачет-топочет. Пыль столбом, под ногами ребятишки змеями вьются и псы брешут-заливаются.

Михаил в жестоком похмелье. Он блюет.

СОФЬЯ. Вы попейте вот.

МИХАИЛ. ВЫ КТО???

СОФЬЯ. А вы не помните, что ли, ничего? Я медсестра. Добровольная. Отбилась. Отстала... на станции... Бумага у меня. Мне приказано вашим поездом на фронт.

МИХАИЛ. У-у-у...

СОФЬЯ. Попейте.

МИХАИЛ. Бесплезно. Вот если б бомбой голову оторвало, тогда – да, тогда перестала бы.

СОФЬЯ. Не шутите так... А что вы так пьяны были, так начальство в суете и не заметило.

МИХАИЛ. Срал я на ваше начальство... Это если по-дамски выразиться.

СОФЬЯ. Я завтрак приготовлю.

МИХАИЛ. Ну, приготовь, приготовь. Так куда вы едете?

СОФЬЯ. На фронт.

МИХАИЛ. Ах, на фронт...

ХОР. Что здесь плохо – многие из нашего брата, нижнего чина, сон теряют. Только глаза заведешь, ровно лавку из-под тебя выдернут, летишь куда-то. Так в ночь-то раз десять кричишь да прокидываешься. Разве ж такой сон в отдых? – мука одна. Это от войны поделалось, с испуггов разных...

МИХАИЛ. Не польете мне?

СОФЬЯ. Минуту.

МИХАИЛ. Ох, хорошо. Что бы я без вас делал... Что это???

СОФЬЯ. Где?

МИХАИЛ. Ну-ка, дайте-ка, дайте-ка взглянуть... Ой-ой-ой, ой-ой-ой.

СОФЬЯ. Что там?

МИХАИЛ. Ц-ц-ц... Ц-ц-ц... Знаете, я не рекомендую вам здесь оставаться.

СОФЬЯ. В чем дело?

МИХАИЛ. Здесь у всех зрачки – что? Правильно! сузившиеся, как зернышки мака. А у вас расплылись они во весь глаз; это зря. Слнш-ком-обшир-ное-мо-ре-огня вы через них увидите. Значит, завтрак?

СОФЬЯ. На здоровье.

МИХАИЛ. О, даже хлебушек. И свежайший. Это блестяще. А то, право слово, как мы тут до сих пор без завтраков. Без завтраков – это ж прям не жизнь!

ХОР. Вон той годков девять, не больше... А он: «А ну, подь-ка, подь, не бойся...» И схватил. И оприходовал. Знать, ты, девка, мало ангелу своему молилась, вот тебя и обидели... Иди себе, милая...

МИХАИЛ *(с карикатурной светскостью)*. Превосходно. М-м... А не знаете ли вы каких-нибудь новых стихов?

СОФЬЯ. Стихов??

МИХАИЛ. Стихов. У меня жена всегда знает какие-то новые стихи. Такая уж у нее особенность. «Если я превращу человечество в часы и покажу, как стрелка столетия движется, неужели из нашей времен полосы не вылетит война, как ненужная ижица». В таком роде. Так не знаете? Эх, вы. Я как чувствовал, что все-таки мало от вас проку.

ХОР. Что я детей порченных здесь перевидал. Одного – так забыть не могу. Почитай, в час один его солдатня кругом осиротила. И матку забили, отца повесили, сестру замучили, надругались. И остался этот, не больше как восьми годков, и с им братишка грудной. Я его было поласковее, хлеба даю и по головке норовлю погладить. А он взвизгнул, ровно упырь какой, и с тем голосом драла, бежать через что попало. Уж и с глаз сгинул, а долго еще слышать было, как верезжал по-зверьи, с горя да сиротства...

МИХАИЛ. Тут недавно был философ один – вот с ним бы еще поговорить. Умер, блядь. Он мне знаете что сказал? В настоящей, говорит, трагедии гибнет не герой – гибнет хор. Красиво? Точно! Улавливаете мысль? Не один, а все гибнут. Широко – миллионами. Такой вот прогноз. А вы говорите – театр.

СОФЬЯ. Я говорю?

МИХАИЛ. Ну, вы же сюда как на театр приехали? Полюбоваться.

А вы, небось, думаете, что на войне люди больше всего скучают по женщинам. Ха! Заблуждение. Разве что юноши, еще не знавшие... ничего еще не знавшие, студенты с фотокарточками в нагрудных карманах, женихи, которых выдернули почти из-под венца... Эти – да. Но приличные люди на войне – поверьте – скучают по теплым ваннам и чистым простыням. Я люблю жену, но, ей-богу, чаще, чем ее, я вспоминаю солнечное пятно от окна на моем столе в кабинете. И тени листьев колышутся этак по-этически. И я за столом читаю... например, «Историю глаза». Не доводилось? О, это я вам доложу...

Простите. Не из любопытства, а так – для полноты картины. Могу я спросить как врач? Вы девственны? Э-э-эй!.. Как врач! Исключительно. Вы что же, не доверяете врачу?

СОФЬЯ. Да. Девственна.

МИХАИЛ. Превосходно! Другого я и не ждал.

СОФЬЯ. Я не понимаю, по какому праву вы со мной себя так держите.

МИХАИЛ. О, не обижайтесь. Это я для целостности образа – я рад. Потерять девственность на войне – это, наверно, нынче в моде. Угадываю? Да, в этом что-то есть, конечно. Юные девушки везут войне свою кровь – ведь всю без остатка? – и то дело: пусть пьет, пусть хлещет во всю глотку. Отчего б не разбавить свежим девичьим крюшоном ядреный мужской настой? А немного *первой* крови – как прикормка. Как на рыбалке, знаете? В народе. Да, красиво! «Девственность – в жертву войне».

ХОР. Видел, как казаки девчонку лет семи чисто как стерву разодрали. Один на ней, а трое ногами топчут, ржут. Хотел помешать, да где там?.. Думаю, уж под вторым она мертвенька была, а свое все четверо доказали.

МИХАИЛ. Да не отшатывайтесь вы так! Я не претендую. Во-первых, у меня жена. Красавица-жена в Петербурге. Из артистических кругов. Да-с. А во-вторых... я еще все-таки человек. Честь имею. Это я вам просто как врач – прогноз на скорое будущее. На ближайшую ночь, если хотите. Думаете, вас сторожить, что ли, кто-то будет? Я бы не стал. У меня других дел хватает: а) пытаться заснуть, б) пытаться заснуть, с) пытаться заснуть. Видеть во сне жену и крахмальные простыни. Так что готовьтесь. А они знаете как? Вот один мне рассказывал... Говорит, видел, как девочку лет семи. Вчетвером. Говорит, он пытался оттащить, да где там... А может, и врет. Может, и сам он среди них был.

СОФЬЯ. Это жестоко.

МИХАИЛ. «Жестоко»! Вот когда тебя заставляют двое суток подряд кости пилить без наркоза, вот это жестоко... милая девушка. Вам чего дома-то не сиделось? Вам острых чувств

недоставало (пакость). Да что же я с вами церемонюсь-то, а? Вы же сами ко мне в руки пришли. В мои чистые руки. Может, вы *мне* от Бога утешение. Что же я буду вас этим, диким-то отдавать? Они ж изорвут вас. Лучше уж сам. Вы религиозны?

СОФЬЯ. Да. Меньше, чем хотелось бы.

ХОР. Он и охнуть не успел, как на него медведь надел.

МИХАИЛ. Значит, до одури религиозны. Ну так помолитесь о моей заблудшей душе.

Он бросается на нее. Крики и борьба, в которую включается Хор. Хор стаскивает Михаила с Софьи.

МИХАИЛ (*крича Хору – впервые*). Я не тронул бы ее. Я не тронул бы ее. Я для нее. Для нее же. Чтобы она, дуреха, почувствовала, слышишь? Слышишь ты? Отвечай.

Тишина.

МИХАИЛ. Можешь не верить! Я бы ее не обидел. Я еще человек! Я еще человек – да-с, да-с. Я бы ее не обидел.

Тишина. Тишина.

МИХАИЛ. Что вы понимаете? Зачем я вообще... Вам еще отчет давать, что ли? Я еще человек!

СОФЬЯ. С КЕМ ВЫ ГОВОРИТЕ?

МИХАИЛ. Ты не должна кормить войну, ты не должна кормить войну. Слышишь?.. Своим телом... понимаешь? Мы же ей корм, дрова, поленья. Если бы все перестали воевать, она бы без корма и издохла. Это я тебе как врач говорю.

СОФЬЯ. С КЕМ ВЫ ТАМ ГОВОРИЛИ?

МИХАИЛ. С Чортом!

СОФЬЯ. С Чортом???.. Врете!!!

МИХАИЛ. Считаю разговор оконченным. Ты уедешь? Ты уедешь теперь?

СОФЬЯ. Нет.

МИХАИЛ. Тогда делай что хочешь, только не в моем поезде. Приедем на место и распределяйся куда знаешь. Что я, собственно, разволновался? Мне-то что.

СОФЬЯ. Я вам хочу объявить: я никуда не распределяюсь. Я здесь останусь. Вы сумасшедший – вам нельзя одному с ранеными. Вы им навредите.

МИХАИЛ. Имей в виду: в следующий раз не слезу – так и знай.

СОФЬЯ. В следующий раз вы не залезете.

ХОР. Письмо-то длиннее было, а я-то все по складам. Читал я, читал, да и дочитался только на третьи сутки, что Мишутка мой долго жить приказал... Аж на втором листе, стерва, только и написала.

III. Ночь

Поезд скрежещет, останавливается. Затем едет обратно. Огни и тени плывут в другую сторону.

ХОР (*несколько былинно*). Пшеница что ни колос – то Богу слава. Словно трубы архангельские. А по пшенице солдатики убитые лежат, и наши, и ихние. Свежие, еще духу нету, больше полем на тебя тянет. А промеж убитых дети бродят потерянные. Все двухлетки да трехлетки. Красивые ребятки у них... А уж до того напугавшись, что и плакать давно забыли, голос пропал... Рожа-то в грязи да слезах присохла. Мыть их да кормить сестры стали. Молчат, ровно куклы какие...

МИХАИЛ. Да врешь ты все.

СОФЬЯ, я?

МИХАИЛ. Да, нет, не вы.

СОФЬЯ (*осторожно*). Чорт?..

МИХАИЛ. Да какой чорт, господи? Софи, ну что вы меня всё в умалишенного-то рядите? Это я тогда просто так сказал. А вообще *он* никакой не чорт.

СОФЬЯ. А кто?..

МИХАИЛ. Мужик. Не мужик даже, мужичонка. Парень. Он у меня на столе умер. Он не безнадежный был – я устал тогда просто. Я же не хирург. Вот на разные голоса теперь в уши и жужжит. И со мной катается.

СОФЬЯ. Вы с ними говорите?

МИХАИЛ. Я? Что я – сумасшедший? О чем мне с ним говорить. У него знаете какие истории? «Я повылез, слышу – дышит, как на бабе... (Видите: все как наизусть уже помню.) Я боюсь – кричу, а он боится – хрипит. Я рукою его за шею – хватать...» Вот так-то, Сонечка, вот так-то. Это что, разговор, что ли?

СОФЬЯ. Вы помолились бы... За упокой...

МИХАИЛ. Я молиться не могу. Я, Софи, милостью Божией убийца, так как мне прикажешь его же умолять, чтобы он мне им организованный грех прощал? И душу мою успокаивал. Я в такие махинации не верю. Я лучше вон – спирту.

СОФЬЯ. Михаил Валерьянович!..

IV. На поезд падают бомбы

На поезд падают бомбы.

МИХАИЛ. Под лавку, быстро.

ХОР. Стой, помолчи, огненного слова послушай. Небо теперь говорит да преисподняя. Человечья речь притаилась. Чья дума выдумала пушки да еропланы – не ведаю. Одно ведаю: большой покос смертушке уготовали. Придет конец войне, не быть смерти на земле. Отвалится смерть ровно пиявица сытая...

СОФЬЯ. *Слышен крик еще одного человека.* Раненый! Раненого ранило. Он кричит, вы не слышите, как он кричит? У него осколок в животе. Надо извлекать. *Софья говорит и готовит все, что здесь можно, для операции.*

МИХАИЛ. Я не стану оперировать. Я не стану оперировать. Я поклялся. Здесь никаких условий. Это убийство!

СОФЬЯ. Он иначе умрет.

МИХАИЛ. Он и так умрет.

СОФЬЯ. Нет!! Вы спасете.

МИХАИЛ. Да его только Господь Бог спасет: смотрите – весь живот разорван.

СОФЬЯ. Вы врач. Вы врач. Вы врач. Вы врач.

МИХАИЛ. Софья! Ну, перестань ты, пожалуйста, сжался.

СОФЬЯ. Вы врач. Вы врач. Вы врач...

МИХАИЛ. Да я соврал тебе тогда!! Рыжий этот – не от операции умер. Я ему в голову выстрелил, потому что он двадцатый был за двое суток; и он кричал, так кричал, а у меня глаза как будто песком засыпаны; и голова. А ноги надо было по сю пору резать. А он кричал «не режь!» Я выстрелил. Потом заснул. Потом думал, расстреляют – и хорошо. Не расстреляли. Какой я врач???

СОФЬЯ. *С еще большей решимостью.* Я помогу вам. Вы спасете. Вы должны спасти. Я помогу – клянусь.

МИХАИЛ. Ты? Он *вдруг говорит с надеждой.* Как будто речь идет не о помощи медсестры, а о какой-то божественной помощи... И твой ангел?

СОФЬЯ. Да! *Она говорит в каком-то экстазе, счастливая.* Вы его спасете, и вам Господь грехи отпустит! Вы спасете, я верую! Верьте мне.

МИХАИЛ. Верить?

Центр драматургии и режиссуры. Лаборатория «Акустическая читка».
Художественный руководитель Владимир Панков. 2017. Фото Олеси Хороших

СОФЬЯ. Верьте.

МИХАИЛ. Кипяти воду.

СОФЬЯ. *Он оперирует. Она помогает. Какой-то как будто свет. Ясно, что чудо обязательно будет. Раненый умирает.*

ХОР. *Что я детей порченных здесь перевидел... Пью, жгусь, тороплюсь... Я еще тепленький, свежий... «Глаза мои, где глаза мои!..» Ощиплю курицу, кишки прочь и в горшок... Сердце себе испиявил... Знать, ты, девка, мало ангелу своему молилась... Тот не человек, который Пушкина не читывал. «Глаза мои, где глаза мои!..»*

СОФЬЯ. *Михаил продолжает зашивать, самозабвенно, вдохновенно, еще не чувствуя смерти. Софья видит смерть. Меряет пульс. Подносит к губам зеркало. Доктор... Михаил Валерьянович... Послушайте. Перестаньте. Он умер.*

МИХАИЛ. *Послушайте. Перестаньте. Он не может умереть. Вы мне обещали!*

СОФЬЯ. *Простите меня. Михаил Валерьянович... Михаил. Он умер. Михаил кричит зверино, сбрасывает со стола инструменты, воем. Вспышка. Стекло. Осколки стекла попадают Михаилу в глаза.*

V. Время потерялось – непонятно, сколько это длится

Михаил слеп.

Пьеса может быть доиграна в темноте.

СОФЬЯ. Пойдите, я вас доведу.

МИХАИЛ. Ну, веди, веди. Тихо ты, тихо! Совсем разгалделся. (*Машет в сторону Хора. Хор теперь молчит.*)

СОФЬЯ. Вот так, аккуратненько. Ложитесь. Доедем до госпиталя, там доктор вас посмотрит.

МИХАИЛ. Помолчи, пожалуйста. Про доктора-то. Слишком уж как-то иронично. *Этот* диагноз я себе могу поставить и сам. Лучше знаешь что? Там в книжке у меня... письмо. От жены. Почитаешь мне?

СОФЬЯ. Почитаю, Михаил Валерьянович.

МИХАИЛ. Ну вот и славно.

СОФЬЯ. «Светлый мой, лучезарный Мишенька! Где ты теперь? Каждый мой день завернут между двумя газетами: утренней и вечерней. Каждая газета прибавляет сотни, а некоторые – тысячи трупов. Недели собираются в стопки дней и ночей, переложенных газетами. Газеты набрякают от крови, а писем от тебя нет. Но я уверена, что ты жив, что ты вернешься, и мы вновь пойдем с тобой вниз, вниз от Мариинки, пиная листья, заслоня солнце ресницами, жмурясь от солнечных бликов и северной нашей перламутровой любви...»

МИХАИЛ. Как изысканно. (*С брезгливостью.*) Не правда ли, как изысканно. А мой-то этот, *попутчик*, рассказывал: жена попросила грамотного какого-то за корзинку яиц письмо написать. А муж сам-то тоже букв не знает; и за махорку чуть ли не всю свою попросил товарища прочитать. А товарищ тоже неграмотный – просто курить хотелось чрезвычайно. И он письмо ее взял да и выдумал. И там было что-то, сейчас-сейчас, что-то «...родненький мой, Богу за тебя молюсь каждый день, ночами не сплю, все твоя ласка горячая мерещится... Курицы наши в порядке...» Я бы, может, тоже такое письмо хотел бы хоть раз получить. Ну, да что там.

СОФЬЯ. Вы бы помолились.

МИХАИЛ. О смерти, что ли?

СОФЬЯ. Господи!.. Если хотите – вы продиктуйте – я напишу письмо вашей жене.

МИХАИЛ. Не надо больше писем. Ничего не надо. Голоса у вас с ней похожи. Эх, Ольга. Ну, почитай еще. Там же еще у нее дальше... стихи там эти... Бальмонт, что ли. Новые стихи.

СОФЬЯ. Да, стихи есть.

(Очень чужие ей эти слова. И вообще здесь они чужие.)

...О, гроздя жадных орхидей,
Я видел, как ваш стебель вьется.
В переплетенности стволов...

МИХАИЛ. Мне кажется, я вижу, как ты краснеешь. Прямо вижу твое лицо.....Ольга.

СОФЬЯ (*справляется*). ...Среди пьянящих испарений, Я рвал любовный цвет грехов...

Она откладывает письмо. И отважно, сквозь стыд, обретя какой-то бабий голос, продолжает.

СОФЬЯ. Родненький мой, Богу за тебя молюсь каждый день, ночами не сплю, все мерещится твоя горячая ласка.....Закрою глаза, и вижу, как обнимаю тебя, и прижимаюсь к тебе всем своим жарким телом, так что и тремя кобылами тяни – не оторвешь...

МИХАИЛ. Спасибо... Спасибо тебе. Оля... Оля моя. «Кобылами». Такие слова смешные, хорошие...

Выстрел. Михаил стреляет себе в голову.

*Самара – Петербург
2014*

Антигона: редукция
мифо-политическая сатира с
элементами поэзии и редукции

Действующие лица:

Антигона
Йемена
Тересий
Гемон
Антибунт
Юный Демос
Старый Демос
Креон

Акт I

Сцена 1

Антигона вбегает к Йемене.

АНТИГОНА

Велит он не рыдать!
Да ты и не рыдаешь...
«Удачно». Груз судьбы – ручная кладь
тебе. Не сдашь, но так... отправишь
под ноги.

ИСМЕНА

Ты меня топтать
сюда явилась?

АНТИГОНА

«Не рыдать».
И «не роптать». «Не прекословить»...
Не задаваться. Не шутить
с огнем, с землей, а так... ослом быть —
Считалочка! —
Не хоронить.

ИСМЕНА

Не хо-ро-нить. А ты б хотела??

АНТИГОНА

А я б хотела!.. Я б хотела...
чтоб царь не запрещал рыдать,
гнать и бежать, смотреть и видеть,
негодовать и ненавидеть.
И хоронить! И выбирать!

ИСМЕНА

Ребячество, и только. Тело
(прости – не слишком слово в масть)
три дня лежит. И до запрета
в могильщички ты не рвалась.

АНТИГОНА

Смеешься? Ты пойми, что происходит!
Диктатор! Он – дик-та-тор, он тиран...

ИСМЕНА

А ты выходишь замуж... и тоской бы
хвалиться *не тебе* – тебя ждет храм.
И муж. И дом. И... надо ли рыдать?
Сестричка, глупая, тебе бы платье
Утюжить, вить за прядью прядь...
Все к лучшему: война прошла, в объятых
смерть не неволит больше женихов,
и траур по отцу истек уж... братья?
Что ж братья...

АНТИГОНА

Боги! худший из грехов —
смирение. И жажда жить в довольстве.
И что ж за тяга закрывать глаза
На ужас? Это пошло.

ИСМЕНА

Брось ты!

АНТИГОНА

Йемена... ты подумай... он сказал...
Не слышишь! Ты не слышишь. Ты не слышишь.
Груз двести – вот приданое мое.

ИСМЕНА

Ну что ты? Ты боишься? Тише, тише...
Волненье перед свадьбой!

АНТИГОНА

Воронье!
Над телом брата. Над страной.
А ты о свадьбе... Я – о могиле.
Вой, а не покой!

ИСМЕНА

Не стыдно?

АНТИГОНА

Я решилась. Знаешь – гибель
так гибель. Под стрелой судьбы не стой...

Проходит по-своему харизматичный и магнетический, хотя и изрядно похожий на фрика прорицатель Тересий. Он всегда говорит (транслирует текст) так, как будто ловит радиоволны – не своим голосом, иногда с помехами.

ТЕРЕСИЙ

Повторяем экстренные предлагаемые обстоятельства. Сегодня наш царь Креон издал высочайший указ. Указ запрещает предавать земле тело мятежника Полиника, а также совершать над ним какие-либо погребальные обряды. Цитирую: «И хищным птицам там, без погребенья, / И псам его оставить в знак позора. / Так я решил – и никогда злодей / Почтен не будет мной как справедливый». Конец цитаты. Слова царя, перевод Эс Шервинского и Эн Познякова. Наказание, предусмотренное заслушивание, – смертная казнь. Напомню, что после ухода в изгнание ныне покойного царя Эдипа власть разделялась между его сыновьями Этеоклом и Полиником, которые должны были править по году каждый. Этеокл задержался на троне всего на один только месяц, и мятежник Полиник во главе враждебного бандформирования предпринял попытку вторжения на территорию города. После кровопролитных боев за Семивратные Фивы тело погибшего в справедливом вооруженном конфликте Этеокла было с почестями захоронено в гробнице из эфесского мрамора. Количество жертв войны уточняется.

ИСМЕНА

Ты слышишь прорицателя? Тересий
Вещает истину – ты знаешь. Не шути.
Представь: на площади тебя повесят.
Качаться будешь в назиданье...

АНТИГОНА

Этот стиль
Его правленью свойственен – я знаю.
Так может быть, качаясь, раскачать
Удастся мне хоть что-то...

ТЕРЕСИЙ

К другим новостям. Сегодня Креон посетил детский симпозион и заверил малолетних граждан, лишившихся в результате войны родителей, что будут приняты все надлежащие меры для их скорейшего усыновления семьями состоятельных и благонадежных фиванцев с традиционными ценностями.

Кстати: с сегодняшнего дня из программы фиванского лицея изъят Эсхил как автор, подстрекающий к бунту. И последнее. Свадьба Гемона, сына Креона, и Антигоны, дочери покойного Эдипа, состоится через три дня на центральной площади города. Напомним: Антигона вернулась из Колона, где осуществляла опеку над отцом. Гемон, который, как всем известно, любил ее еще с детства, сделал ей предложение. В кулуарах дворца подтвердили, что гниющий у ворот труп Полиника не помешает торжествам. После обрядов, ритуалов и церемоний новобрачные отправятся в загородную резиденцию на берегу Коринфского залива. Наш собесед-

ник сообщил, что пять дружественных городов уже послали поздравительные телеграммы и караваны.

ИСМЕНА

Так хочешь умереть? За *что*? Ты плюнешь в душу
Богам, набравши полный рот
того нектара, что – *тебе* – отпущен
сверх меры. Жить – наоборот —
и жить бы. И на шелке славить Купидона,
и Дионису вволю воздавать...
А там когда-нибудь взойдешь на трон и...

АНТИГОНА

Так значит, предлагаешь оборвать,
как в бурю провода, все узы; и на бурю
свалить: куда против царя?
И жить. Не лезть в петлю. На пулю
не рваться грудью. Строго говоря,
грудь женщине не для того, ты скажешь?
И пошло, если красны кружева —
невесте не к лицу... В тисках жить...

ИСМЕНА

Ты не грусти. Такие жернова
в муку кого угодно перемелют.
В труху и пудру – не казись, живи!
О, лента выбилась. Я заплету. По мере
Взросленья, знаешь, гаснет пыл...

АНТИГОНА

То пыль
Заносит пламя серым снегом; плесень...

ИСМЕНА

Про снег мы в Греции не знаем – не шути.

АНТИГОНА

Креон на площади меня повесит —
его правленью близок этот стиль...

ИСМЕНА

Нет. Ты ведь образумилась! И весел
пир будет.

АНТИГОНА

И поминки.

ИСМЕНА

Нет, сестра.
Достаточно!

АНТИГОНА

Положен стаду страх,
Да, он положен в наши души вдосталь:
От «до» до «до» забиты закрома —
Шелка и вина, пойло и корма —
Все это вытряхнуть непросто.

ИСМЕНА

Ты забываешься. И все меняешь слог,
Рифмовку портишь – ты строптива больно.

АНТИГОНА

Мне к боли привыкать...

ИСМЕНА

А мне былой довольно.
И трауру, поверь, положен срок.
Стянуть его и жить – уж юность на исходе.
Или не хочешь?

АНТИГОНА

Отчего ж, хочу.

ИСМЕНА

А если хочешь, так зачем изводишь
себя, меня, *его*, городишь чушь...
Страдаешь: брат земле не предан.
Своей ты жизнью станешь рисковать
ради истлевшего? Того, кто Фивы предал...

АНТИГОНА

Все Фивы предали. Кто запретил рыдать —

тот пуще всех. А кто молчит – тот разве?..
Ты не находишь? Это безобразно —
какое право он имеет нам
указывать: смеяться иль дрожать,
с какого возраста детей водить во храм
и в театр, сколько их рожать...
и благовонья где курить, и до какого часа,
и как...

ИСМЕНА

Ну, тише, это уж опасно.

ТЕРЕСИЙ

(Рекламным голосом.) Оливковые масла для тела «Секреты Афродиты» – и взгляд вашего любимого скользит только по вам. Сыр «Священная коза». Вы достойны отечественного. В фиванском лицее в рамках подготовки фиванцев к стабильным победам на Олимпийских играх уроки поэзии заменены уроками физкультуры. Дозатор для разбавления вина водой: мы не дарим иллюзий, мы гарантируем верность пропорциям. Летние лагеря в предгорьях: подготовьте ребенка к войне. *(С акцентом.)* По нашим данным, в Фивах участились случаи давления... *(Помехи. Помехи. Помехи.)* На территории далеких и диких стран, где, согласно информации от наших корреспондентов, живут звери без головы с глазами на груди, постоянно ведутся вооруженные бои. В Семивратных Фивах обстановка абсолютно стабильная.

АНТИГОНА

Свобода, где ты? Вся ушла под камни.
Когда ж меня камнями забивать
за преступление правитель станет
с солдатами, не выглянет ли пядь
свободы? Капля? Струйка?
Чтобы сухие губы намочить...

ИСМЕНА

Вон Гемон. Хватит голосить – целуй-ка
его крепче: надо блажь лечить.

Йемена уходит.

Сцена 2

Входит Гемон.

ГЕМОН

(Грозно-шутливо.)

Кто это шел отсюда так поспешно?
У королевы завелись пажи?

АНТИГОНА

Так блохи у собак заводятся...

ГЕМОН

Сколь нежно!

АНТИГОНА

А в трупах – черви... знаешь, «всюду жизнь».

ГЕМОН

...и камни в амфорах

АНТИГОНА

...и в почках.

ГЕМОН

В почках – листья.

АНТИГОНА

А в листьях – дыры – тоже от червей.

ГЕМОН

Тем слаще винограда будут кисти:
Пронизет солнце лист, и ягоды черней.

АНТИГОНА

Как мысли у ревнивца?

ГЕМОН

Где ревнивца
ты видела?

АНТИГОНА

Что ж, зеркало подать?

ГЕМОН

Рассказывай пажам ты небылицы:

ты зеркала не носишь – ты под стать...

АНТИГОНА

Мальчишке?

ГЕМОН

Нимфе!

АНТИГОНА

Комплимент?

ГЕМОН

Подачка!

АНТИГОНА

Играешь в поддавки?

ГЕМОН

Согласен проиграть!
Игра с тобой – как на галере качка.
Предпочитаю просто целовать.

(Поцелуй.)

АНТИГОНА

(Жадно; беззащитно; сдавшись.)

Еще!

ГЕМОН

Когда-нибудь колючки
я отшлифую...

АНТИГОНА

Нет!! *(Смуценно.)* Не отпускай.
Держи меня подольше...

ГЕМОН

Закорючки
распутая.

АНТИГОНА

Уколешься.

ГЕМОН

Пускай.

АНТИГОНА

Тепло... и можно жить...

ГЕМОН

(Беспечно.) Все то же солнце.

АНТИГОНА

Не знаю. Жмурюсь я. И чернота
спасает. Кажется, что сон цел,
а явь рассыпалась.

ГЕМОН

Фантазии! Но та
явь, что теперь не за горами,
почище снов!

АНТИГОНА

Почище?

ГЕМОН

Погрязней.
Шучу. Тебе понравится. В программе
премного радостей – из чаши полной пей.

Мимо проходит Тересий.

ТЕРЕСИЙ

Пожар в фиванской библиотеке успешно потушен. Герои пожара представлены к наградам. Жертв нет. Пепел от сгоревших книг будет торжественно развеян по ветру в три часа пополудни. К другим новостям. Сегодня Креон пообещал всем одноруким ветеранам войн к году следующей Олимпиады выдать по лысому рабу. Рабы будут сидеть впереди на специально оборудованных трибунах, и однорукие герои получают возможность полноценно аплодировать, хлопая рукой по их головам. И последнее: из программы фиванского лицея изъят Платон как автор, подстрекающий к несвойственным фиванской культуре отношениям.

Антигона слушает в оцепенении. Гемон думает, что это от стеснения.

ГЕМОН

Ну что ты съежилась... Когда Тересий в трансе
не видит ничего...

...Отец так деловит,
что кружит Фивы, будто в дерзком вальсе.
Не ждал я от него. Для зоны *vir*
казался он всегда *чуть-чуть* невзрачным...
Что смотришь так? Я это знал всегда.

Чуть-чуть
стыдился. Но гляди: обманчив
вид внешний, и уже все «да!»
ему кричат и тушью на туниках
чертят его черты.

АНТИГОНА

Чер-тят...

ГЕМОН

Эдип забыт...
Тебе обидно? Не грусти. О ликах
правителей не судят. А отец за быт
фиванцев взялся, за наладку быта,
и, кажется, крепка рука пока...
Дрожишь ты, будто листьями набита
осины. Ты любви боишься, как
клинка...

АНТИГОНА

Клин-ка... Нет, я боюсь другого!

ГЕМОН

(Вновь играя в ревнивца.)

Другого? Кто он?? Я его сражу...
Не насмешить ее! Она ко мне сурова.
Невесте не хватает куражу!
Ну, я пойду?
...Идти??

АНТИГОНА

Еще минуточку!

ГЕМОН

Подарок, боги! Искренний порыв.
Или этюд удачный? Слезы??

АНТИГОНА

Путы
и кандалы – застигни, застегни,
защелкни за спиной, цепи покрепче,
с цепи не отпусти, к земле пригни...

ГЕМОН

Ты бредишь? Что ты?

АНТИГОНА

Слушать твои речи —
уж лучше воск горячий в уши лить:
слова увязнут в нем, погрязнут... Очень больно.
Но где от боли скрыться? Эта нить
всегда назад к тебе ведет неволью —
за снадобьем от яда твоего ж.
Так глупо!

ГЕМОН

Я не понял, в чем виновен.
По брату плачешь? Этеоклу? Что ж...

АНТИГОНА

По *братьям*. Но не только.

ГЕМОН

Что? Зов крови?
А чтить закон?

АНТИГОНА

Такой закон под нож.

ГЕМОН

Молчать!.. Молчи. Капризам – меру.

АНТИГОНА

Иссякло снадобье: остался только яд?

ГЕМОН

Смотри: поссоримся. Ты вытряхни химеры
из головы!

АНТИГОНА

А ты ступай. Ты отдохни.

ГЕМОН

Подряд
больше дести минут с тобою – бойня.
Что за жена? Подарок от богов.

АНТИГОНА

Не будем ссориться – иди.

ГЕМОН

Горгоне ровня.
Ох, чую счастье будет мне без берегов.

Сцена 3

Антигона одна.

АНТИГОНА

«Иссякло снадобье, остался только яд».
«Такие жернова в муку кого угодно перемелют».
«Его правленью близок этот стиль».
«Невесте не хватает куражу».
«Невесте не хватает куражу».

Проходит Тересий.

ТЕРЕСИЙ

Из программы фиванского лица изъята Сапфо, как недопустимый автор. Напоминаем, что Фивы – великое государство, подтверждается всей его историей. Поэтому к всеобщей радости с сегодняшнего дня принято решение о прекращении поставок фиванского масла и фиванской шерсти в Коринф, Афины и Аргос. Также сообщается, что для пресечения софистических настроений рассматривается закон об оскорблении религиозных чувств. За неуважительные высказывания в адрес богов будут определены сроки заключения и штрафы, согласно олим-

пийской иерархии. Подробности пока не разглашаются, но, по уточненным данным, за оскорбление Зевса и членов его семьи будет отрубаться от одного до семи пальцев в зависимости от степени нецензурности слов. Закон нашел единодушную поддержку у восьмидесяти двух процентов населения, с оставшимися восемнадцатью проводится работа.

АНТИГОНА

Тересий, боги, а ведь ты когда-то
о стольких здесь свободах возвещал.
И ликовали все. Какой пустой задаток!
Все ложь и блажь? От верности пища,
теперь тирана каждый будет славить?
И каждый – раб, и рад тому стократ?
Попробовали стать собой: устали – все: отставить.
Стать тем, кем скажут, проще...

ТЕРЕСИЙ

В Трое сильный град,
в Эфесе ливневые дожди, в Афинах порывистый ветер, в Коринфе чума, на Итаку обрушился антициклон, в Спарте облачно, местами гололедица, в Семивратных Фивах ясно, без осадков.

АНТИГОНА

Без слов все ясно. Всё: смирись и нежься.
Йемене все равно, а мне не все.
В том и беда. Нелепая погрешность.
Глаза закрою, вижу...

ТЕРЕСИЙ

Жертвенный козел
заколот в честь тушения пожара. Предполагается, что на освободившемся от потушенной библиотеки месте для фиванцев будет построен цирк. Он спроектирован с учетом новейших достижений архитектуры и будет обладать плоской крышей. «В такой архитектуре, согласующейся с национальным кодом, – будущее и украшение города», – подчеркнул наш собеседник из дворца.

АНТИГОНА

Мой город, как в чуме, а я готовлюсь замуж,
чтоб внуков для диктатора рожать.
А плоская черта «украсит» Фивы – да уж...
А Гемон... он так счастлив... «Подождать
немного лет, да и на трон взмоститься», —
читаю это у него в глазах.
В глазах любимого... Ослепнуть – лучший принцип.
Народ, как наркоман, подсел на страх
и идолопоклонство – с первой дозы.
Тересий, почему? Ведь он любил...

ТЕРЕСИЙ

Теперь во избежание угрозы

насаждения чуждых великой фиванской культуре ценностей принято решение изъять из употребления в речи фиванцев таких чуждых национальному духу и неприличных слов, как ***, ***, *** и *** («запихивания»). Такой указ был подписан сегодня в послеполуденный час и встретил единодушную поддержку населения.

АНТИГОНА

Ну что ты? Что это? Опомнись! Замолчи!
И так бесстрастно...

ТЕРЕСИЙ

«Новые ключи
от сердца льва» – эта патриотическая постановка будет показана сегодня в городском театре вместо указанного в афише спектакля. Следите за дальнейшими изменениями в репертуаре.

АНТИГОНА

Тересий, ну ответь! Еще ребенком помню:
умел ловить ты голоса
другие. Нынче ж обескровлен
и обесточен. Ты не хочешь сам?
Или *тебя расстроили* в неволе?
Скажи!

ТЕРЕСИЙ

Казнить того, кто в поле
подойдет к телу Полиника ближе, чем на десять
шагов...

АНТИГОНА

Я это знаю. Дальше! Меньше фальши!

Тересий начинает как будто переключаться, сиюсь настроиться на другую волну.

ТЕРЕСИЙ

Микстура «Прометей» – улучшенный образчик.
И ваша печень...

АНТИГОНА

Дальше!

ТЕРЕСИЙ

Спрей «Орест» от мух...

АНТИГОНА

Другое, дальше, хватит резать слух,
как тушу зверя. Вслушайся в эфир!
Ты сможешь...

ТЕРЕСИЙ

*(С акцентом – голосом иностранного диктора.
Сквозь помехи.)*

...весь культурный мир...

АНТИГОНА

Да, молодец! Вот так!

ТЕРЕСИЙ

...с беспокойством следит за ситуацией в Фивах, где стремительными темпами воцаряется дикта... дикта... диктату...

(Сильные помехи.)

АНТИГОНА

Ну, ну, еще!

ТЕРЕСИЙ

(Входя во вкус, с другим акцентом. Сквозь помехи. Все более уверенно.)

Соседям выдан счет:

международные эксперты выразили опасения, что в Фивах велика вероятность перехода к спартанскому сценарию, предусматривающему, в частности, сброс ослабленных детей со скалы.

АНТИГОНА

Вот с этим и иди теперь к народу,
Вот с этим и ходи...

ТЕРЕСИЙ

(Уже почти без помех.)

Похоже, деспотия входит в моду...

Международные эксперты всерьез обеспокоены тем, с какой готовностью фиванцы принимают новый режим. За все время тирании не зафиксировано ни одной попытки бунта, ни одной акции протеста, одиночного пикета или хотя бы перформанса с политической окраской. Такой сценарий свидетельствует... *(Шипение.)* Такой сценарий свидетельствует... Такой сценарий свиде... те...

Просто добавь воды. *(Отключается и гудит. Это не прекращается. Виногато уходит.)*

АНТИГОНА

Нет больше сил. Да, пока силы есть, пора идти к Креону. И сказать хоть что-то.

Сцена 4

В приемной Креона

Антибунт – маленький, верткий человек заканчивает рисунок на вазе. Вокруг – ваз множество.

АНТИБУНТ

О! Антигона. Я тебя ждал раньше.

АНТИГОНА

А я к Креону...

АНТИБУНТ

Всяко не ко мне.

АНТИГОНА

Мне не назначено, но...

АНТИБУНТ

Зной палящий,
гниющий труп, зов крови... тремоло и нерв?

АНТИГОНА

Ты кто?? Ты секретарь? Не много ль...

АНТИБУНТ

Немного секретарь, немного – нет.
Я рад знакомству. Антибунт. Попробуй
поверхность вазы. Не шершава?

АНТИГОНА

Мне
к Креону.

АНТИБУНТ

Видно, что Тересий
влияет на тебя: прям по два раза всё.

АНТИГОНА

Мне в третий повторить? Ты шут?

АНТИБУНТ

Я интересен,
но не настолько. Как осел,
все жду тебя, а ты и в ус не дуешь,
мне даже вон тебя приходится писать

по памяти на вазах. Плюнешь
тут раз иной. Обидно. Хоть плясать...

АНТИГОНА

На месте ли Креон?

АНТИБУНТ

О, вот вопрос умнее.
Конечно, нет!

АНТИГОНА

А где он?

АНТИБУНТ

Улетел.

АНТИГОНА

Ты сумасшедший?

АНТИБУНТ

Что ты? Здоровее
моей здесь мало душ... пожалуй, что и тел...
Но ты не слушаешь? А это прям напрасно.
Для современников, потомков в красках
отменно черных и кирпичных отразил
я все как надо, не жалея сил.
(Показывает ей вазы с рисунками.)
Смотри: Креон летает в поднебесье
на крыльях, что ему Дедал привесил,
а здесь – гляди – спускается в пучину
и с Посейдоном обсуждает, как овчину
морских барашков превратить в руно.

С Олимпа едет с Зевсом, здесь – oh, по! —
приватный кадр... тебе есть восемнадцать?
Там с Афродитой он, но верь мне: *только танцы.*

АНТИГОНА

Но это все неправда!

АНТИБУНТ

Правда???

(Долго, как будто в первый раз, смотрит на нее. Очень насмешливо.)

... Скажи об этом городам и весям,
что копии на рынках продают
и покупают... Ну, смотри: а тут —
тут интересней.
Ты не отвлекайся: вы с Гемоном идете под венец.
Хоть труп гниет, а трауру конец.
И *Он* благословляет, луноликий...
...Зачем тебе к нему?.. Подумай.

АНТИГОНА

Кто ты??

АНТИБУНТ

Блики
немного портят вид, но я всё обожгу —
все будет матовой. К тому же время
и отшлифует, и наложит жгут
туда, где ошибиться мог... А что-то без доверья
ты смотришь на творенья моих рук.

АНТИГОНА

А может, ты ошибся? Может, свадьбы
не будет?

АНТИБУНТ

Бу-удет. Столько денег...

АНТИГОНА

Круг
еще разомкнут.

АНТИБУНТ

Ох, свивать бы
из слов девичьих пряжу. Столько слов!
Намекów праздных... только дел *не будет*.
Мы здесь одни. Тебе охота псов
собой кормить? Такой финал столь нуден!
К тому ж: как себе это представляешь?
Берешь лопату и идешь копаешь?.
И тут же стражники тебя берут,
народ в смятенье, пряжи саван ткут?..

АНТИГОНА

Вы попросту не верите в людей!
И в то, что они могут поступиться
комфортом, жизнью ради...

(*Запинается.*)

АНТИБУНТ

Ну, бодрей!
Подробнее! Ради... Я – тупица,
и слова нужного никак не подберу ж.
Ну, помоги мне.

АНТИГОНА

Ну, хотя б... свободы!

АНТИБУНТ

Прости. Зевнул. «Свобода!»: эндшпиль, куш!
А конвертация? *Всему* народу
ты дашь свободу, брата закопав?
Или какой-то лучшей половине?
А может, трети? Станет больше прав!
И демократия польется прям лавиной!

АНТИГОНА

Нет... Но они увидят, например... пример.

АНТИБУНТ

«Увидят»? Милая! «Наивности образчик».
Увидят! Сквозь кристалл хрустальных сфер??

АНТИГОНА

Увидят!

АНТИБУНТ

Верь мне: не ударю пальчик
о пальчик, чтобы весть сию
до мира донести. Всё: напрямую в Лету.
Закрытый суд, цикута – ее пьют
без пафоса. А прах пустить по ветру:
эксперимент с оглаской уже есть,
и нам второй, пожалуй что, не нужен.
По плану – тишина.

АНТИГОНА

Тересий весть...

АНТИБУНТ

Он на лечение в Дельфах: стало хуже
сегодня старику. Но к свадьбе – весть —
с апгрейдом
предстанет пред фиванцами и уж
не возвестит муры. Делюсь советом:
иди домой – такой простой совет.
Иди. Меняй в прическе ленты,
крась ногти, волосы, лица улучши цвет.
И бровки... выщипай! Займись делами.
О, вспыхнула! Напрасно. Выбор прост:
становишься царевной или в пламя
по-тихому. Ты ж видишь: я всерьез.
Иди и выбери. Иди.

АНТИГОНА

Вы так жестоки!..

АНТИБУНТ

О, нет. Ты без риторики. Иди
и выбирай. И будь уж стойкой,
раз выбрав. Я закончил. Di
xi.

Сцена 5

*На возвышении Антигона копает лопатой землю.
На авансцене или в зрительном зале Демос и Демос.*

ЮНЫЙ ДЕМОС

Скажи-ка, дядя, а зачем копать
заставили столь хилую девчонку?
И среди праздника! Деметра-мать!

СТАРЫЙ ДЕМОС

Вот деревенщина! Невежество в печенках
твое сидит. Ведь свадебный обряд!
Во имя плодородия, чтоб внуков
царю не долго ждать... куда ты вперил взгляд?

ЮНЫЙ ДЕМОС

Красивая прислужница.

Только что появилась Йемена с небольшим деревцем.

СТАРЫЙ ДЕМОС

Вот мука!
Тупица: не прислужница – сестра
невесты и царевна тоже.

ЮНЫЙ ДЕМОС

А непохожи.

СТАРЫЙ ДЕМОС

Слушать будешь? Страх
какой балбес. Стерплю и подытожу:
во имя плодородия невеста
должна сама оливу посадить.

ЮНЫЙ ДЕМОС

О, боги! Вот обычай. Если честно,
я бы помог ей эту яму рыть,
чтобы скорей отправиться на ужин.
Провозится до ночи, а народ
помрет

от голода. Урок ей явно нужен:
лопату держит, словно...

СТАРЫЙ ДЕМОС

Помолчи!
Вон тамада восходит на подмости.
Вернулся! Слушай!

Появляется Антибунт – узнаваемый, но переодетый. Его наряд может быть стилизован под костюм протагониста комедии. В основном он говорит в рупор. Только некоторые частные реплики произносятся в частном порядке.

АНТИБУНТ

О, возрадуйтесь... Апчи!
Простите. Простудился. Выше горстка
земли возделась к небу, пока я
ходил узнать, когда Креон прибудет.
Креон... при-бу-дет! Ликованью где края?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Ликуй сильней – старанья не осудят!

ЮНЫЙ ДЕМОС

А ужин будет, дядя?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Говорят.

АНТИБУНТ

Ну, Антигона, ты собьешь весь график:
вакханок танцы будем отменять —
копаешься уж больно...

ЮНЫЙ ДЕМОС

Да, ну на фиг...

Я б лучше танцы посмотрел, Деметра-мать.

АНТИБУНТ

Ну ничего, народ к тебе привязан
и эту мелочь явно уж простит.
Простите?

ДЕМОСЫ

Да!

АНТИБУНТ

А если что – приказом
простить обяжем. Шутка. Хэй, пусть:
я загляну... Достаточно! Поздравьте!
Довольно глубоко. Она смогла!
Исмена, дерево! (*Антигоне.*) Все, засыпай! А вы все
славьте
невесты чрево – пусть ночная мгла
на город сходит нынче не впустую...
А Гемон где? Введите жениха:
смотреть он должен – так же холостую
он похоронит жизнь... А мы пока
невесту спросим. Антигона, ну же:
что чувствуешь?

Подносит рупор как микрофон (далее будет та же игра.)

АНТИГОНА

Что твердая земля.

АНТИБУНТ

А счастье? А восторги? (*Тихо.*) Что, контужен
язык твой нынче? (*Снова в рупор.*) «Радости моря
затапливают сердце. Сердце в топке
горит и тает. Я люблю вас всех!
И рада дать вам праздник!» Наглядеться
я не могу, послушаться. Успех!
Вот так царевна перед всем народом
сказала. Вы сумели оценить?
Сумели? Ну, теперь глядите: небосводу
не одного Меркурия носить.
Коптите стекла, жмурьтесь, чтоб потом
глаза не вытекли, не высохли. Природа
побеждена. Ловите воздух ртом.
Во славу Фив и человеческого рода
среди орлов и прочих царских птиц
(нет, не среди, а во главе – поправьте),
на фоне солнца, всех склоняя ниц,
Креон летит! Ну, что застыли? Славьте!

ЮНЫЙ ДЕМОС

Летит?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Летит!

ЮНЫЙ ДЕМОС

А мне не видно.

СТАРЫЙ ДЕМОС

Шире
глаза.

ЮНЫЙ ДЕМОС

«Зажмурьтесь» говорит.

СТАРЫЙ ДЕМОС

Так жмурься.

ЮНЫЙ ДЕМОС

Жмурюсь. Вижу: крылья!

СТАРЫЙ ДЕМОС

О, дивный, дивный, дивный вид!
(Кричи «Ура!», пока не стал он хуже.)

ЮНЫЙ ДЕМОС

А ужин, дядя?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Будет тебе ужин.

АНТИБУНТ

Ну, насмотрелись? Нарыдались? Внукам
расскажете всё в красках. А пока...
заходит на посадку Он. Порукой
в том честь моя: придет к вам, чуть закат
зальет верхушки пиний. Всё: стихами
заговорил – восторг съедает прям.
Ну, Гемон, что молчишь, как камень?
Скажи, что чувствуешь, всем нам.

ГЕМОН

Блестящий день. Он, словно солнце, слепит.
Моя любимая синицею в руках,
отец же журавлем взвился, и трепет
народный вызвал, и врагов всех страх...

АНТИБУНТ

Наследник говорит, как Демосфен!
(Тихо Гемону.) Поменьше бы заглядывал в бумажку,
а так о'кей. *(Снова в рупор.)* Ну, что ж, из высших сфер
подарок заслужили прям. Отмашку
даю. Ведите. Ох, подарок царски царский,
и не молодоженам – всем.

Вводят заметно шатающегося Тересия.

АНТИБУНТ

Глаза раскройте: прямо, без опаски
взирайте. Больше нет проблем
с изображеньем. Знайте, наш Тересий
в дельфийском храме получил
великий дар. Всем будет интересней
отныне жить. А те, кто зуб точил,
пускай язык себе же и откусят.
Встречайте! Прорицатель во плоти!
Показывай, мой друг, свое искусство...

(Немного волнуясь; тем шире улыбаясь; не в рупор.)

И не смущайся. Ведь народ платил
за твой апгрейд налоги густо,
итоги покажи... гиматий распахни!

Тересий заторможенно сопротивляется, держится сведенными судорогой пальцами за край плаща. Заминка. Антибунт подзывает Гемона, вместе они раскрывают плащ. На белой подкладке и на белом хитоне Тересия высвечивается изображение.

ЮНЫЙ ДЕМОС

Скажи-ка, дядя, что это за чудо?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Глазам не верю: колесница! И на нас!

Из живота. Ой-ой, из ниоткуда...

АНТИБУНТ

Еще не то увидите сейчас!
Все Фивы будут прям как на ладони:
вот храм, восточные врата, дворец.
Еще дворец. Не надо лучшей доли —
Стой и любуйся...

Боги, наконец!

Всё: праздник удался. Я счастлив, я спокоен!
Нет – весь дрожу, как фиговый листок.
А вы? Кто был доселе обездолен,
Его увидит лично.

Показывается Креон.

ЮНЫЙ ДЕМОС

Самый сок!

Ну, где он, где он, дядя, я робею...

СТАРЫЙ ДЕМОС

Идет, грядет!.. Ты отпусти меня.

ЮНЫЙ ДЕМОС

Ты сам в меня вцепился. Ну, скорее!

СТАРЫЙ ДЕМОС

Ко-го торопишь?

АНТИБУНТ

Лопнет тут броня
у циников, у скептиков на сердце:
явился сам поздравить молодых,
в лучах любви чуть-чуть погреться,
оставив ворох дел на миг
и мыслей государственных громаду,
чтобы в истоке чувств...

ЮНЫЙ ДЕМОС

Не видно, эх...

АНТИБУНТ

Креон!..

КРЕОН

Ну, здравствуй!

ЮНЫЙ ДЕМОС

Будет мама
гордиться мною!

КРЕОН

Где же смех?
Ведешь ты праздник, видно, скучно,
а мой народ смеяться должен – так?

АНТИБУНТ
(*Не в рупор.*)

Примерно. Подбородок, жаль, опущен.
Чуть выше бы его...

КРЕОН

Молчи! (*В рупор.*) Мой шут – дурак.
Ну, чем тут занимались на досуге?

ЮНЫЙ ДЕМОС

А где его жена?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Еще чего спроси!

АНТИБУНТ

Изволишь видеть, наш Тересий в круге
волшебном новый дар обрел, и сил,
и магии нисколько не жалея,
его показывал. Желает посмотреть?

КРЕОН

Желаю.

АНТИБУНТ

Так смотри, смотри... Вон ту аллею
Ты узнаешь? Вы узнаете? Млеть
в тени олив здесь многим доводилось,
ну а теперь издалека узришь...
А вот ворота южные явились.
Все смотрят с жаром – не проскочитмышь.
Прекрасно? Нету прям такого места,
Которого увидеть не могли б.

КРЕОН

Да, хорошо! Хотел спросить... а где невеста?

АНТИБУНТ

Невеста? Здесь? А где ей быть? Не гриб
и не иголка, чтоб искать... она же
стояла здесь. Тому как пять минут...
Не видели?

ЮНЫЙ ДЕМОС

(В страхе оправдываясь, указывая на Тересия.)

Сказал смотреть туда же...

КРЕОН

Кто видел и не скажет, тот под суд.

ЮНЫЙ ДЕМОС

О, что мне будет, мать-Деметра, что за мщенье?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Да это новый конкурс и обряд!

КРЕОН

(Гемону.)

Невесту проворонил!

ГЕМОИ

Похищенье!

КРЕОН

Ворота на запоры, стражу в ряд.

Общая сумятица, среди которой Тересий усиленно жестикулирует (вне транса он нем).

АНТИБУНТ

Постойте, тише, кажется, Тересий
нам тщится показать... *(Ласково.)* Раскрой же плащ!

Тересий распахивает плащ. Все видят изображение Антигоны, которая у ворот Фив закапывает тело брата. Она чувствует, что ее видят, и тоже смотрит на своих зрителей.

ГЕМОН

Как ты могла!

АНТИБУНТ

А, чем-нибудь завесьте!!

КРЕОН

Как допустил ты???

ЮНЫЙ ДЕМОС

Что за дикий плач?

Тересий со своим распахнутым натянутым плащом от всех уворачивается. Видно, что он готов стоять насмерть. Более того, он начинает сначала вить, а потом транслировать слова Антигоны через помехи и другие голоса.

ТЕРЕСИЙ

Дорогие, простите, что испортила вам праздник, единственное мое оправдание в том, что еще я испортила себе жизнь и... «...и встретил единодушную поддержку населения...»...так что прости, Гемон... Когда я поняла, что вы никогда не узнаете... «Сыр „Священная коза“. Вы достой...» Но когда я поняла, что мой голос все же может быть услышан... Я делаю это не для того, чтобы выполнить древний обряд, – древние обряды уже давно никто не чтит настолько. И не для того чтобы остаться или стать собой, не для того... «...просто добавь воды...»...и даже не для того чтобы выполнить миссию и отыграть роль. Я уже почти смирилась с ролью счастливой жены, «...стандартизированных детских туник...» Я делаю это потому, что иначе «...в Семивратных Фивах обстановка абсолютно стабильная...»...а так... Вам уже не вытащить из головы эту картинку. Свобода – это больно, но...

АНТИБУНТ

...НО ДОВОЛЬНО.

С Тересия срывают плащ, Тересия заворачивают в подобие смиренной рубашки. Искаженное изображение Антигоны по-прежнему видно. Антигону скручивают солдаты.

Сопrotивляясь, она читает стишок. Его фрагменты слышны, потому что и Тересий продолжает сопротивляться.

ТЕРЕСИЙ

Гнать и бежать, смотреть и видеть,
негодовать и ненавидеть,
и хоронить, и выбирать...

ЮНЫЙ ДЕМОС

Так жалко, дядя, что с ней будет?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Не знаю... Город не забудет...

ТЕРЕСИЙ

Роптать и прекословить, врать,
пугаться и храбриться...

ЮНЫЙ ДЕМОС

Мать —
Деметра, для чего? Могла бы...

ТЕРЕСИЙ

...смотреть и видеть, и решать...

ЮНЫЙ ДЕМОС

(Вдруг кричит в живот Тересию солдатам.)

Эй, вы, втроем не стыдно?

СТАРЫЙ ДЕМОС

Храбрый!
Да, молодец!

ТЕРЕСИЙ

...и не дрожать.
И жить.

Антибуит бьет Тересия по голове. Тересий падает. Его уносят. Все молча уходят со сцены. Сцена остается пустой.

Акт II

Сцена 1

Гемон входит во дворец.

АНТИБУНТ. О! Гемон. Здравствуй, я тебя ждал раньше. Еще вчера.

ГЕМОМ. Оставь, пожалуйста, этот тон для идиотов. Я к отцу.

АНТИБУНТ. Девять утра. А теперь чересчур заспешил.

ГЕМОМ. Что за проклятье! Заперто? (*Стучит.*) Отец, это я.

АНТИБУНТ. Ты же все торопишься – не спросишь: ни как дела у старого вассала, ни дома ли папа. Вон косточки ушиб, да?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.